

МАСТЕРСКАЯ ТИХИХ ЧУДЕС

САША ТРУБЕН

Саша Трубен

Мастерская тихих чудес

«Автор»

2026

Трубен С.

Мастерская тихих чудес / С. Трубен — «Автор», 2026

Вера Линн умеет чинить почти всё, что помещается на верстаке. Со своей жизнью выходит хуже: после развода ей досталась пустующая мастерская тётки, три недели до проверки и крыша, которую пока нечем залатать. Первый заказ кажется простым. Старый чайник каждое утро готовит две чашки, хотя его хозяин живёт один. Но под заводской пломбой Вера находит чужое заклятие, а в памяти чайника — женщину, которую никто не помнит. Городской инспектор Марк Рейн требует прекратить ремонт. Вера уже собирается выставить его за дверь, когда замечает в его кармане такую же пломбу. Теперь ей предстоит выяснить, кто стирает людей из жизни города — и почему единственный человек, способный ей помочь, собственноручно подписывал разрешения на уничтожение их вещей.

© Трубен С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. На две чашки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Саша Трубен

Мастерская тихих чудес

Глава 1. На две чашки

— Если починить нельзя, сделайте так, чтобы он хотя бы не плакал.

Мужчина поставил на прилавок свёрток. Полотенце насквозь промокло, и с уголка на пол капала вода.

Я посмотрела на вывеску в окне. Ещё утром мне казалось, что слова «Ремонт домашних чар» достаточно ясно описывают мои возможности.

— Что у вас?

— Чайник.

— А плачет кто?

Мужчина развязал узел.

Чайник оказался медным, пузатым, с потемневшей ручкой. По бокам расходились две вмятины, на крышке вместо родного держателя сидела фарфоровая клубника. Из носика скапывала капля.

На блюде под ним лежали две сахарные косточки.

— Сахар тоже из него? — спросила я.

— Мой. Он без сахара не начинается.

Я убрала с прилавка счёт за починку крыши и перевернула его чистой стороной вверх.

— Имя?

— Павел Соль. Часовщик с Нижней улицы.

Имя я записала на бланке заказа. Счёт всё-таки отложила: перечень моих долгов первому клиенту знать было необязательно.

— Расскажите с самого начала.

Павел Соль снял шапку, пригладил волосы. Пальцы у него были короткие, с вьёвшейся в складки чёрной смазкой.

— По утрам он готовит чай. В половине седьмого. Раньше ставил одну чашку, теперь две. Одну я выпиваю, вторую он греет. До полудня. Потом вот это.

Капля с носика упала на сахар. Косточка тихо хрустнула.

— Давно началось?

— Шесть дней.

— Меняли чашки? Переставляли кухонный стол?

— Нет.

— Кто-нибудь ещё им пользовался?

— Я один живу.

Он ответил слишком быстро, но это могло ничего не значить. Люди приходили к мастеру за работающим чайником, а получали расспросы о своей кухне.

Я подложила сухую тряпку и подняла сосуд за ручку. На донце обнаружились две привычные метки — нагрев и подача — и третья, более старая, вытертая почти до основания.

Парная привязка.

Такие вещи теперь редко делали. Современному чайнику задавали время и объём, и он послушно кипятил воду. Старый запоминал, кто как любит: кому покрепче, кому с холодной водой, кто обязательно схватится за ручку раньше, чем она остынет.

Половину этих привычек мастеру приходилось потом вычищать вручную.

— Он семейный?

— От матери остался.

— А до вас у неё...

— Госпожа Линн, — перебил он. — Мне соседка сказала, вы недорого берёте.

Я поставила чайник.

В ящике под прилавком у меня лежали одиннадцать медяков и разменный серебряник. Серебряник был чужой: вчера я нашла его в щели верстака и положила отдельно, как будто тётка могла вернуться за ним из могилы.

— Осмотр — два медяка. Если ремонт дороже десяти, сначала спрошу.

Павел кивнул и выложил две монеты. Они были тёплые от ладони.

— Только память не счищайте.

— Почему?

Он посмотрел на чайник.

— Не знаю. Жалко.

Я перестала тянуться за скребком.

— Хорошо. До завтра оставите?

— А сегодня нельзя?

— Я ещё не знаю, что сломалось.

С улицы донёсся скрежет колёс. Павел обернулся к окну, и я машинально посмотрела вслед за ним. Мимо проехала серая тележка городского надзора. В кузове, под сеткой, лежали лампы, щипцы для волос и детская лошадка без передних ног.

Павел опять надел шапку.

— Завтра зайду.

Он торопливо вышел, оставив полотенце.

Я внесла в заказ: «Память сохранить». Подумала и подчеркнула.

Мастерская досталась мне вместе с тремя табуретами, дырявой крышей и тёткиной привычкой прятать полезные вещи в самые неподходящие места.

Тонкие отвёртки обнаружились в коробке из-под печенья. Само печенье — в ящике с надписью «ЯД». Я не стала проверять, какая из надписей правдива.

Тётка умерла в конце лета. Я приехала только вчера — с чемоданом, инструментами и свидетельством о расторжении брака, сложенным так, чтобы не видеть имя бывшего мужа.

В столице я восемь лет ремонтировала домашние чары в нашей общей лавке. После раздела имущества лавка осталась ему. Мои инструменты его доверенный сначала тоже внёс в опись, но я предложила ему самостоятельно определить назначение каждого.

До конца описи он не дошёл.

На краю верстака стояла тёткина фотография. Я отодвинула её подальше от воды, положила чайник на бок и зажгла рабочую лампу.

С нагревом всё было в порядке. Камень целый, выводы сухие, чашечный круг замкнут. Я проверила клапан, заменила задубевшую прокладку, налила полмерки воды.

Чайник повёл носиком и подтянул к себе две чашки с сушилки.

Одна была белая. Вторая — синяя, с отколотым краем.

— Уверен? — спросила я.

Он развернул синюю чашку сколом к стене.

Я невольно улыбнулась. Тётка всегда так делала.

Через минуту в обеих чашках дымился чай. Белую чайник наполнил почти до краёв. В синюю налил меньше и долил холодной воды из кувшина.

Для пробы я поднесла белую ко рту.

Чайник дёрнулся так резко, что я едва его не уронила.

— Ладно, не моя. Поняла.

Я поставила чашку. Он успокоился.

Синий чай пах чабрецом.

Я ничего такого не засыпала.

Пришлось слить воду и снова снять нижнюю пластину. Под ней, у самого края парной привязки, блестела свежая серебряная скоба.

Её установили поверх старой нити.

Я приблизила лампу. На металле был оттиснут маленький мост с тремя арками — знак городского надзора.

Скоба не давала привязке обратиться ко второй хозяйской метке. Поэтому чайник честно готовил две чашки, а потом никак не мог завершить подачу.

Вот только предохранители так не ставили.

Я вытянула из коробки увеличительное стекло.

— Вывеску придётся снять, — произнёс кто-то у двери.

Я вздрогнула. Отвёртка соскользнула, больно ткнув в основание большого пальца.

Мужчина на пороге посмотрел на мою руку.

— Прошу прощения.

— У вас это вместо стука?

Он оглянулся на дверной колокольчик.

— Я рассчитывал на него.

— Он не работает.

— Вижу.

— Если пришли чинить — в очередь.

Его взгляд скользнул по пустой мастерской и остановился на двух чашках.

Мужчина был лет на пять старше меня. Тёмное пальто промокло на плечах, в руке он держал узкий кожаный портфель. На воротнике поблёскивал тот самый мост, только крупнее.

Я положила отвёртку.

— По какому поводу?

Он достал удостоверение и раскрыл передо мной.

Марк Рейн. Инспектор домашних чар. Северный округ.

— Разрешение на эту мастерскую выдано Агате Линн.

— Она умерла. Я наследница.

— Соболезную. Наследство не заменяет свидетельство мастера.

— Моё свидетельство лежит в чемодане.

— Столичное?

— Вы по акценту определили или уже спрашивали соседей?

— В округе всего семь мастеров. Шесть, — поправился он после короткой паузы. — Их я знаю.

Я вытерла руку тряпкой, чтобы не оставить кровь на удостоверении, и вернула его.

— Документы подам завтра.

— Пока их не зарегистрируют, платные заказы принимать нельзя.

Два медяка Павла лежали на блюде у кассы.

Рейн посмотрел на них. Потом — на чайник.

— Это чей?

— Клиента.

Он поставил портфель на пол.

— Отойдите от верстака.

Я не сдвинулась.

— Вы хотя бы объясняйте, прежде чем командовать.

— Откуда у вас предмет с ограничительной пломбой?

Я провела языком по пересохшей губе.

— Это ограничительная?

Его лицо изменилось едва заметно. Он посмотрел уже не на чайник, а на отвёртку в моей руке.

— Вы её трогали?

— Ещё нет.

— Хорошо. Не трогайте.

Он снял перчатки. На правой ладони тянулся старый белый ожог: от запястья к большому пальцу.

Я такие видела. Их оставляли домашние чары, если разрывать рабочий круг голой рукой. Рейн достал из портфеля плотный серый мешок.

— Предмет подлежит изъятию.

Я накрыла чайник тряпкой.

— Мне его оставили для ремонта.

— В нём стоит городская пломба.

— Которая и вызвала неисправность.

— Это не имеет значения.

— Для владельца имеет.

Он выпрямился. Мы стояли по разные стороны верстака, и между нами медленно расплзалась мокрая полоса.

— Госпожа Линн, я могу составить акт об изъятии. Могу опечатать помещение до выяснения обстоятельств. Первый вариант займёт меньше времени.

На стене за его плечом висел листок, который я нашла вчера: тёткины расценки. Замена нагревного камня — четыре медяка. Настройка колыбели — шесть. Ниже её рукой было дописано: «У Нины не брать, она уже принесла картошку».

Я успела прожить здесь одни сутки. Уже вымыла пол, отскребла вывеску и прикинула, куда поставлю свою лампу.

— Покажите основание для изъятия, — сказала я.

Рейн молча достал бланк.

Пока он вписывал дату, из внутреннего кармана пальто выпал небольшой жестяной футляр. Крышка отскочила. На пол выкатилось серебряное колечко, слишком маленькое для пальца.

Я нагнулась раньше него.

На кольце была такая же пломба с мостом. Под ней проходила перерезанная нить.

Он взял футляр у меня из рук. Осторожно, не коснувшись пальцев.

— Благодарю.

— У вас тоже что-то сломалось?

— Это служебное.

Он закрыл крышку и убрал футляр.

Теперь мне хотелось знать, почему служебные вещи он носит у сердца, а чужие собираются бросить в мешок.

Рейн заполнял акт у прилавка. Я стояла рядом с чайником и читала перевёрнутые строки. «Владелец предмета...»

— Имя клиента, — сказал он.

— Сначала дайте мне копию основания.

Перо замерло.

Серебряная скоба под тряпкой щёлкнула.

Я обернулась.

Из-под чайника текла вода, хотя я его опорожнила. Она собралась вокруг основания, обошла ножку лампы и потянулась к синей чашке.

— Не касайтесь, — сказал Рейн.

На этот раз я послушалась.

У чайника приподнялась крышка. В отверстии белел пар. Он пах чабрецом и ещё чем-то знакомым — горячей шерстью, когда сушишь мокрые варежки слишком близко к печке.

Я услышала дыхание.

Не своё. Медленное, с тихим хрипом на выдохе.

Потом женщина сказала:

— Паша, в синюю не лей. Я её склеила, но она опять...

Голос оборвался.

Я посмотрела на чашку. По боку, от ручки до самого дна, прошла тонкая тёмная линия. Я была уверена, что раньше её не было.

Рейн схватил сухую тряпку и накрыл основание чайника.

Пар исчез.

— Это память? — спросила я.

Он не ответил.

— Остаточная запись хозяйского голоса?

— Где вы взяли чашку?

— На сушилке.

— Она была здесь до вашего приезда?

— Наверное. Да. Не знаю.

Он убрал тряпку. На ладони у него уже наливалась красная полоса рядом со старым ожогом.

— У вас есть соль?

Я открыла шкаф, достала банку. Рейн насыпал вокруг чайника тонкое кольцо. Движения были точные, привычные, но на крышку банки он попал только со второго раза.

Вода перестала прибывать.

Мы помолчали.

Из окна тянуло холодом. Где-то во дворе ударили ведром о камень.

— Ваш клиент женат? — спросил Рейн.

— Говорит, живёт один.

— Имя.

— Зачем?

Он поднял на меня глаза.

— Потому что до него нужно добраться раньше сборщиков.

Я посмотрела на серый мешок у его ног.

Рейн проследил за моим взглядом.

— Я вещи изымаю. Они их уничтожают.

— И вы только сейчас решили, что это плохо?

Он отвернулся к прилавку, взял акт и перечеркнул написанное.

— Я только сейчас услышал её голос.

Я вспомнила маленький футляр.

— Вы знаете эту женщину?

Несколько секунд он складывал бланк. Угол к углу. Очень ровно.

— Её зовут Анна Соль. Она работала в городском архиве. Исчезла шесть дней назад.

— Павел сказал бы, если бы у него пропала жена.

— Если бы помнил.

Я взяла со стола заказ. Имя Павла, описание поломки, две монеты за осмотр. Строчка «Память сохранить» была подчёркнута дважды — второй раз я провела пером, когда первый клиент уже ушёл.

— А вы почему помните?

Рейн достал футляр. Открыл.

Это была серьга. Простое серебряное колечко, почерневшее у замка.

— Потому что вторую она не сняла.

Я ждала объяснения, но он закрыл крышку.

— Анна — моя сестра.

У двери раздался короткий звон.

Колокольчик, который весь день молчал, дёрнулся ещё раз. По его медному краю прошла белая искра.

Снаружи потянули ручку.

Рейн убрал серьгу и протянул руку к мешку.

Я шагнула вперёд, заслонив чайник.

Он взглянул на меня, вывернул мешок наизнанку и быстро накиннул его поверх соляного кольца. На внутренней стороне ткани проступили знаки глушения.

— Бланк, — шепнул он.

Я сложила заказ и сунула в карман фартука.

За стеклом двери стоял человек в сером. Второй удерживал на мостовой тележку.

— Городская служба очистки, — произнёс первый. — Откройте, пожалуйста.

Рейн взял незаполненный лист, положил передо мной и сверху опустил две монеты Павла.

— Скажите, что ничего не приняли.

Теперь я ясно видела его руку. Она дрожала.

— А вы?

Он подошёл к двери.

— А я попробую вам поверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.